

АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА ДЕМЕНТЬЕВА
аспирант кафедры русской и общей филологии Института
гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный
университет (Сыктывкар, Российская Федерация)
antoninadementyeva@mail.ru

«ЖЕНСКИЙ МИФ» В РОМАНЕ А. М. РЕМИЗОВА «ИВЕРЕНЬ»

Задачей настоящей статьи является изучение способов мифологизации женского образа в тексте книги «Иверень», представляющей собой одно из итоговых произведений писателя. Основной метод исследования – историко-литературный. Научная новизна работы заключается в том, что ряд женских образов книги рассматривается в аспекте мифологических исканий А. М. Ремизова. В результате проведенного анализа текста установлено, что при конструировании собственного «женского мифа» А. Ремизов обращается к фольклорным представлениям о женском начале, выбирая для этого образы лесавки, «печальной» ведьмы, Белоснежки-Снегурочки и кикиморы. Писатель формирует во многом противоречивое представление о женском образе. Обращение к мифологии подчеркивает иномирное происхождение женщины. Самыми важными, по мысли писателя, в рамках сконструированного мифа аспектами женского образа являются жертвенность, способность сострадать, вдохновлять, а также иррациональность мироощущения и поведения. В контексте русской литературной традиции ремизовское обращение к фольклору выглядит как отражение общего для начала XX века духа мифостроительства.

Ключевые слова: «женский миф», мифологические образы, моделирование образа женщины, автобиографическая проза

Материалом настоящего исследования является книга А. Ремизова «Иверень», законченная автором в 1943 году (впервые опубликована в 1986 году в США, в 2000-м – в России). Она представляет собой художественную хронику «поднадзорной» (А. Ремизов) жизни автобиографического героя, находящегося в ссылке (с 1896 по 1902 год Ремизов был в ссылке сначала в Пензе, а затем в Усть-Сысольске, ныне Сыктывкар). Задачей статьи является изучение способов мифологизации образа женщины, реализующихся в тексте романа. В этом произведении А. Ремизов стремится найти новое решение мифологизирующего художественного воплощения образа женщины, характерного для значительного пласта русской литературы первых десятилетий XX века, особенно для эстетических установок символизма, в основе которых лежали идеи В. С. Соловьева. В их контексте «важной становится значимость женщины как идеи» [6; 154], в рамках которой женщина понималась как существо, наделенное божественным началом. Культурной платформой для создания «женского мифа» в этом случае было искусство эпохи Возрождения.

Ремизов свой «женский миф» создает, отталкиваясь не от средневековой традиции, отголоски которой слышны в лирике А. Блока, и не от богородичных культов, нашедших отражение в романе А. Белого «Серебряный голубь», и даже не от софийности В. Соловьева. Увлеченный традиционной культурой, Ремизов отдает предпочтение фольклору как источнику и основе собственного понимания образа женщины. Именно поэтому в романе «Иверень» миф о женщине создается в опосредованной форме: в нем действуют раз-

личные фольклорные персонажи, главной функцией которых является отражение авторского представления об «истинной» женщине (слово «идеальная» в данном случае будет звучать некорректно, потому что женское начало в тексте Ремизова наделено неоднозначными свойствами).

В книге Ремизова составляющими «женского мифа» становятся образы лесавки, Белоснежки-Снегурочки, русалки, ведьмы и кикиморы. В характере каждого мифологического персонажа Ремизов выделяет одну или несколько черт, важных, по его мнению, для понимания женской сущности.

Лесавка. Это персонаж, который главный герой видит во сне. В славянской мифологии лесавка – дочь лешего, лесного хозяина, представитель мира, который воспринимается носителями традиционной культуры как «одно из основных местопребываний сил, враждебных человеку» [4; 49], а также соотносится с образом «того света» [2; 97]. В ремизовском изображении лесавки нет ни малейшего указания на то, что этот персонаж может быть опасен для автобиографического героя (в связи с этим наблюдением необходимо отметить, что, по справедливому утверждению Л. Н. Виноградовой, «имя может быть признано весьма существенным, но не абсолютным признаком в процедуре идентификации демонологического образа» [3; 19]); наоборот, встреча эта представляется ожидаемой и желанной: «Таясь, я жду. И вижу, из леса – и идет на меня: ее зеленые волосы пушатся без ветра, глаза как две ягоды. Она ничего не говорит, но ее губы, как этот ручей – затаившееся живое сердце, меня зовут. “Лесавка!” подумал я. И в ответ мне она

протянула руки: в одной руке алело кольцо, а в другой она держала наливное, как мед, золотой налив. И я почувствовал, что это мне – это мое яблоко. Я взял его в руки – и горячо овеяло меня до глубины – до самого сердца и было похоже на хлыв накатывающих слов» (8, 276)¹. В этом эпизоде важна функция, выполняемая лесавкой, – она «путеводительница»: даря герою чудесное яблоко, она открывает наличие в нем внутренней связи с другим миром, в котором ему существовать оказывается более удобно и приятно. Если применять терминологию, предложенную В. Я. Проппом, лесавка наделяет героя «волшебным средством» [7; 5], которое будет напоминать ему об «отмеченности», необычности предназначенной ему судьбы. Важно для понимания этого образа в системе «женского мифа» и то, что лесавка, несмотря на свою немоту, дарит герою вместе с яблоком предчувствие творческого вдохновения, выступая в качестве одного из ликов музы начинающего писателя.

Во внешности лесавки автор выделяет те черты, которые поясняют понимание автором женской красоты, – красота эта имеет мистическую окраску: зеленые волосы, выразительные глаза, зовущие губы и обращенные к герою руки. Красота лесавки природная, манящая именно своей яркой непохожестью на красоту земной женщины.

Ю. В. Розанов называет эту героиню «лирическим вариантом» [9; 48] образа лесной женщины – персонажа зырянской мифологии. «Лиризм» затушевывает амбивалентную природу персонажа, потому что в тексте В. П. Налимова, от которого отталкивался А. Ремизов, есть два варианта представлений об этом существе. Очевидно, в указанном нами фрагменте Ремизов следовал данному описанию: «Лесные женщины <...> легки; кости их прозрачны; ходят они по воде, носят распущенные волосы. Вот как описывают их охотники <...> с матовой бледностью на лице и слабо окрашенными губами. Голос у нее нежный и приятный и исполнен грусти. Поет то тихо, то возвышая голос, то вновь опуская, и от ее пения захватывает какая-то нега, и так приятно и грустно почему-то» [7; 20]. Получается, что Ремизов не только «идеализирует» фольклорную лесавку, но, по сути, выводит под этим именем совсем другой персонаж. Такое смешение не только в произведениях А. М. Ремизова, но и в текстах русского символизма было не единичным и не случайным. В частности, цикл стихотворений А. Блока «Пузыри земли» (1904–1905) построен на «изоморфизме фольклорного и мифологического, русского и славянского, даже античных элементов», осложненных «различными культурными напластованиями» [4; 26]. В подтверждение этой мысли достаточно вспомнить хотя бы названия некоторых стихотворений этого цикла – «Болотные чертенятки» с посвящением А. М. Ремизову, «Твари весенние», «Бо-

лотный попик», «Старушка и чертенята», «Эхо». Следовательно, Ремизов не одинок в стремлении синтезировать и видоизменить разные пласты традиционной народной культуры в соответствии с авторским замыслом.

Таким образом, конструируя «женский миф», писатель акцентирует внимание на тех свойствах женской сущности, которые, по его мнению, помогают составить наиболее наглядное представление о ней, – это стихийность, кажущаяся, на первый взгляд, нелогичность поступков (герою не вполне ясно, почему лесавка дарит ему яблоко, не дает кольцо), желание одарить чем-то очень важным, необходимым, указать путь герою, заблудившемуся в своей собственной душе (так, яблоко становится символом сокрытого от автобиографического героя писательского будущего). Загадочность и вместе с тем открытость миру характеризуют в ремизовском представлении женскую сущность.

Белоснежка. Неожиданным в круге мифологических существ и сказочных персонажей, на первый взгляд, кажется появление в тексте Белоснежки, поскольку ее имя связано с европейской культурой. Однако при более пристальном рассмотрении мы понимаем, что по функции – это вариант образа русской Снегурочки, потому что героиня предстает как олицетворение чистоты, непорочности и жертвенности. (Таким образом, по нашему мнению, Ремизов отсылает читателя к тексту одноименной пьесы-сказки А. Н. Островского.) Имя – Белоснежка – используется автором для того, чтобы, как и в случае с лесавкой, подчеркнуть неординарность внешности героини: «И она показалась мне очень белой... И опять я вспомнил Белоснежку» (8, 305); «Я видел лицо Белоснежки – оно было точно заплакано и губы ее дрожали...» (8, 305). Мраморная белизна лица Белоснежки понимается как знак ее благородного, высокого происхождения. В отличие от лесавки, символизирующей стихийность, Белоснежка-Снегурочка являет собой образец упорядоченности, внешней сдержанности, за которой скрывается истинная способность любить и жертвовать собой. Следует заметить, что в текстах раннего периода творчества, например в повести «Крестовые сестры» (1907), способность к «беззаветной и бескорыстной любви» [12; 68] ассоциируется с материнским началом женской сущности и лишь позднее распространяется на понимание женской любви вообще.

Белоснежка изображается плачущей, и слезы ее воспринимаются героем как слезы обо всех, обойденных судьбой, о несправедливости человеческой жизни и невозможности что-либо изменить. Очень точно по поводу этой особенности ремизовской прозы выразился И. А. Ильин, говоря, что «у Ремизова нет просвета, искренность переживаний дает силу, но не дает исхода» [7]. Смутные очертания образа Белоснежки-Сне-

гурочки автобиографический герой улавливает в реальной девушке, находящейся в драматической жизненной ситуации.

Реальные встречи с женскими персонажами перемежаются в книге Ремизова со снами, создавая ощущение того, что автор самое значимое, сокровенное в восприятии женского существа выносит за пределы объективной действительности. Так, по приезде в Пензу видится во сне герою «печальная ведьма», которая, по мысли О. П. Раевской-Хьюз, является олицетворением музы юного писателя [11; 613]. На наш взгляд, этот образ символизирует также неуловимость, неопределенность будущего героя, отправляющегося в ссылку: «На последних санях, вижу: она... И я обгоняю поезд <...>. А сани там – далеко впереди и только черный след в глазах» (8, 311). Ведьма, как и лесавка, оставляет герою свой дар – ивовую палку, выполняющую функцию метлы, на которой герой пытается догнать ведьму. В полете герой понимает, что для того, чтобы лететь, палка ему не нужна. «Воздушная свобода» [2; 50] становится символом долгожданной внутренней свободы. Следовательно, образ ведьмы поясняет еще одно качество женщины: она призвана вдохновлять героя и вселять в него веру в себя. Муза героя предстает перед нами в облике ведьмы, в выборе персонажа сказывается тяготение писателя к традиционным истокам народной жизни, которая понимается как один из истоков творчества.

Все мифологические существа, о которых говорилось выше, символизируют какую-то важную для героя и автора сторону женского образа: необычная красота, жертвенность, сострадание, вдохновляющее художника начало.

Кикимора. Образ кикиморы дополняет суммарное представление о женской сути и составляет, наверное, самую трагическую его сторону. В главе «В сырых туманах» Ремизов пересказывает сюжет рассказа О. Сомова «Кикимора», однако в духе декаданса история о девочке, которую полюбила кикимора, заканчивается тра-

гично. «Нездешняя», неземная любовь этого персонажа не может подчиняться законам реального мира: «Наш век – без срока... Я люблю тебя больше, чем любит тебя твой отец, больше, чем любит тебя твоя мать» (1; 426), – говорит кикимора героине. Однако такая любовь, представляющая собой сублимацию материнской любви, не может принести счастья девочке, замороженной кикиморой. По мысли Ремизова, в основе этой трагедии лежит вечное и неосуществимое желание бессмертного нечеловеческого существа стать человеком, воплотиться в новой функции². Здесь писатель выражает свои представления о темном, эгоистическом начале женской сущности, стремящейся подчинить предмет любви, зачастую помимо собственной воли.

Таким образом, наполняя художественный мир текста разными мифологическими персонажами, Ремизов формирует сложное, во многом противоречивое представление о женщине. Обращение к мифологии при этом подчеркивает ее иномирное происхождение, характеризует поведение как не подлежащее логическому объяснению, загадочное для мужского восприятия. «Женский миф», сконструированный писателем, помогает не столько понять отношение его героя к женщине, сколько увидеть идеальные представления о ней, обратить внимание на те аспекты женского образа, которые, по мысли Ремизова, являются самыми важными – жертвенность, способность сострадать, вдохновлять, иррациональность мироощущения и поведения.

В контексте русской литературной традиции обращение Ремизова в текстах, которые он начал создавать еще в 1920-е годы, к фольклору выглядит как отражение общего для начала XX века духа мифостроительства. В эмиграции писатель, конструирующий собственный миф исходя из традиционных представлений своего народа, был не всегда понятен в переводах европейскому читателю, но тем не менее гармонично вошел в картину зарождающегося в западной литературе неомифологизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000. Далее ссылки на данное издание приводятся в круглых скобках с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

² Подробно этот сюжет рассмотрен в кн.: Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 56–58.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Лес // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1998. Т. 3. С. 97–100.
2. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 344 с.
3. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
4. Грякалова Н. Ю. Природа и фольклор в цикле А. Блока «Пузыри земли» (1904–1905) // Блоковский сборник. VIII. А. Блок и революция 1905 года / Отв. ред. З. Г. Минц. Тарту: Изд-во ТГУ, 1988. С. 22–30.
5. Иванов В. В. Лес // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. К–Я. С. 49–50.
6. Иванов В. В., Топоров В. Н. Кикимора // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 1. А–К. С. 649.
7. Ильин И. А. Творчество А. М. Ремизова // Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 81–134.

8. Климова С. М. Мифологема женственности в культуре Серебряного века и ее социокультурные воплощения // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 151–156.
9. Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. 336 с.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
11. Раевская-Хьюз О. П. Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000. С. 604–614.
12. Розанов Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда: ВГПУ, 2008. 267 с.
13. Тырышкина Е. В. «Крестовые сестры» А. М. Ремизова: концепция и поэтика. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. 235 с.

Dement'eva A. A., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

“FEMALE MYTH” IN A. M. REMIZOV’S NOVEL “IVEREN”

The purpose of this paper is to investigate the ways of the female image mythologization in the book “Iveren”, which represents one of the final works of the writer. The study is based on the historical – literary method. The scientific novelty of the work rests on the aspects of A. M. Remizov’s mythological quest applied to research some female characters of the book. The analysis of the text revealed that A. M. Remizov appealed to folk notions of femininity in the process of constructing his own “myth of the female”. To develop this vision he analyzes the following images: “lesavka”, “sad witch”, Snow White, Snow Maiden, and Kikimora. A. M. Remizov develops a largely contradictory picture of the female image. The writer’s appeal to mythology points out to the unearthly origin of the woman. According to the research of the writer, the most important aspects of the female origin are abilities to be sacrificial, compassionate and inspiring, as well as irrational and unpredictable in behavior. In the context of the Russian literary tradition Remizov’s appeal to folklore is viewed as a reflection of the general spirit based on mythology so wide spread at the beginning of the XX century.

Key words: “Female myth”, mythological images, a simulation image of a woman, autobiographical prose

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Forest [Les]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar’*: V 5 t. / Pod red. N. I. Tolstogo [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 t. / Ed. NI Tolstoy]. Moscow, International relations Publ., 1998. Vol. 3. P. 97–100.
2. Bashlyar G. *Grezy o vozdukh. Opyt o voobrazhenii dvizheniya* [Dreams of air. Experience of imagination motion]. Moscow, Publisher humanitarian literature Publ., 1999. 344 p.
3. Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [People demonology and myth-ritual tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 432 p.
4. Gryakalova N. Yu. Nature and folklore in the cycle of A. Blok “Bubbles earth” (1904–1905) [Priroda i fol’klor v tsikle A. Bloka “Puzyri zemli” (1904–1905)]. *Blokovskij sbornik. VIII. A. Blok i revolyutsiya 1905 goda / Otv. red. Z. G. Mints* [Blok collection. VIII. Blok and the Revolution of 1905 / Ch. ed. Z. G. Mintz]. Tartu, Izd. TSU, 1988. P. 22–30.
5. Ivanov V. V. Forest [Les]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2 t. / Gl. red. S. A. Tokarev* [Myths of the World: An Encyclopedia: In 2 vols. / Ch. ed. S. A. Tokarev]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1992. Vol. 2. P. 49–50.
6. Ivanov V. V., Toporov V. N. Kikimora [Kikimora]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya: V 2 t. / Gl. red. S. A. Tokarev* [Myths of the World: An Encyclopedia: In 2 vols. / Ch. ed. S. A. Tokarev]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1992. Vol. 1. A–K. P. 649.
7. Il’in I. A. Creativity A. M. Remizov [Tvorčestvo A. M. Remizova]. *Il’in I. A. Ot'me i prosvetlenii. Kniga khudozhestvennoj kritiki: Bunin. Remizov. Shmelev* [About darkness and enlightenment. The book of art criticism: Bunin. Remizov. Shmelev]. Moscow, The Scythians Publ., 1991. P. 81–134.
8. Klimova S. M. Mythology of femininity in the culture of the Silver Age and its socio-cultural incarnation [Mifologema zhenstvennosti v kul'ture Serebryanogo veka i ee sotsiokul'turnye voploshcheniya]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2004. № 10. P. 151–156.
9. Nalimov V. P. *Očerki po etnografii finno-ugorskikh narodov* [Essays on the ethnography of the Finno-Ugric peoples]. Izhevsk; Syktyvkar, 2010. 336 p.
10. Propp V. Ha. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of the fairy tale]. Moscow, Maze Publ., 2000. 336 p.
11. Raevskaya-Kh'yuz O. P. A fairy tale in the book of Remizov “Iveren” [Volshebnyaya skazka v knige A. Remizova “Iveren”]. *Remizov A. M. Sbranie sochineniy: V 10 t. Vol. 8. Podstrizhennymi glazami. Iveren’*. Moscow, 2000. P. 604–614.
12. Rozanov Yu. V. *Fol'klorizm A. M. Remizova: istochniki, genezis, poetika* [Folklore of A. M. Remizov: sources, genesis, poetics]. Vologda, SGMP Publ., 2008. 267 p.
13. Tyryshkina E. V. *“Krestovye sestry” A. M. Remizova: kontseptsiya i poetika* [“Crosspoint sisters” A. M. Remizov: Concept and poetics]. Novosibirsk, Publishing House NSPU, 1997. 235 p.

Поступила в редакцию 28.11.2014